

Е.Н. Проскурина

ДОМ И ДОРОГА В ПОЭМЕ ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Дорога и прилегающее к ней пространство в его российском многообразии (поля, леса, деревни, губернский город) — такова топография «Мертвых душ». Нас в данной статье будут интересовать отношения *дороги* и *дома*.

По удивительной в гоголеведении точке зрения, *дороге* принадлежит ведущее место в поэме. Она задает жанровые особенности произведения, связывая его с романом-путешествием, а также с авантурным романом, она — отправная точка лирической мысли автора, в нарративном плане *дорога* представляет собой связующее звено между населенными пунктами, в которых, по замыслу писателя, необходимо оказаться главному герою Чичикову и т.д. Однако *дому* в поэме принадлежит не меньшее место, хотя бы в плане частотности обращения Гоголя к изображению разного рода помещичьих жилищ. Принципиально важно и то, что главной целью Чичикова является обзаведение домом, семьей, потомством. Предпринимаемая же им «фантастическая» «негоция» — не более чем средство к достижению этой цели. В то же время способ реализации авантюры с «мертвыми душами» возможен для героя только через его личные контакты с помещиками — владельцами крепостных крестьян. То есть «дорожной» в своей основе идее Чичикова необходимо вступить в отношения с поместным, а значит, по преимуществу, замкнутым типом жизни, внедриться в него и, вызвав доверие, подчинить себе.

Однако несмотря на то, что *дом* в «Мертвых душах» располагается в околородном пространстве¹, то есть, казалось бы, должен быть восприимчив к веяниям *дороги*, после знакомства с чичиковской «дорожной» идеей он проявляет устойчивость по отношению к ней, причем, каждый в своем роде.

Так, дом Манилова расположен в нескольких верстах от столбовой дороги, «на юру ...,

¹ Самая дальняя от столбовой дороги, по которой движется Чичиков, топографическая точка — дом Коробочки. Расположенный где-то в часе езды чичиковской брички по «плохой», развезенной дождем земле, он воспринимается героем как «глушь». Предположенное нами время может быть установлено по косвенным указаниям, имеющимся в гоголевском тексте: после бурной ночи Чичиков проснулся в доме Коробочки в десять часов. Трудный разговор с «дубинноголовой» хозяйкой, обильная трапеза с блинами, пирогом с яйцом, время на закладку брички наверняка заняли не менее часа. А в полдень чичиковский экипаж был уже на главной дороге.

открытом всем ветрам»². Эта «открытость», символизирующая, на первый взгляд, восприимчивость хозяина ко всему новому, на деле проявляется не более чем в обустройстве им усадьбы на английский манер и в экзотических именах его сыновей: Фемистоклос и Алкид. За пределы этой «смеси» английского с греческим дело движется с трудом: чичиковское предложение «передать, уступить» ему «мертвых крестьян» никак не укладывается в голове Манилова. Услышав «такие странные и необыкновенные вещи, каких еще никогда не слыхали человеческие уши» (195), он «вынул тут же чубук с трубкою на пол и как разинул рот, так и остался с разинутым ртом в продолжение нескольких минут» (196); «Наконец ... поднял трубку с чубуком и поглядел снизу ему [Чичикову] в лицо, стараясь высмотреть, не видно ли какой усмешки на губах его, не пошутил ли он» (196); «потом подумал, не спятил ли гость как-нибудь невзначай с ума» (196). В продолжение дальнейшего разговора Манилов «конфузится», «мешается», «совершенно теряется» и успокаивается лишь после заверения Чичикова в том, что обязанность для него — «дело священное» и он «немеет пред законом» (197). При этом, однако, «в толк самого дела он все-таки никак не вник» (197), но был «душевно» рад уж тем, что «доставил гостю своему небольшое удовольствие» (199). «Удовольствие» же состояло в том, что Манилов не принял у Чичикова денег за его «фантастическое желание» и даже взял на себя оформление купчей. То есть мысль о личной выгоде от чичиковского предприятия также оказалась Манилову недоступной. А после отъезда Чичикова он вновь предался *привычным* для него размышлениям:

«Он думал о благополучии дружеской жизни, о том, как бы хорошо было жить с другом на берегу какой-нибудь реки, потом через эту реку начал строиться у него мост, потом огромный дом с таким высоким бельведером, что можно оттуда видеть даже Москву и там пить вечером чай на открытом воздухе и рассуждать о каких-нибудь приятных предметах ... Странная просьба Чичикова преврала вдруг все его мечтания. Мысль о ней как-то особенно не варилась в его голове: как ни переворачивал он ее, но никак не мог изъяснить себе, и все время сидел он и курил трубку, что тянулось до самого ужина» (199-200).

Из приведенных примеров можно увидеть, во-первых, что чичиковская идея, которую Ма-

² Гоголь Н. Мертвые души // Гоголь Н. Избранные сочинения: в 2-х т. Т. 2. М., 1984. С. 186. Далее цитаты из текста приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках. Курсив в цитатах мой - Е.П.

нилов определил для себя как «неслыханную» и «фантастическую», так и не проникла в его сознание, во-вторых, она никаким образом не повлияла на его устоявшийся тип жизни, лишь дала новый повод для долгих бесплодных раздумий.

Приезд к Ноздреву³ не был сопровожден для Чичикова никакими дорожными проблемами. Возможно, потому, что ехал он с самим Ноздревым, а значит, о дороге можно было не думать и не справляться; а возможно и то, что ноздревская деревня с барским домом располагалась прямо у главной дороги. Во всяком случае, *туда* герой попадает «между тем», словно поддавшись авторским дорожным размышлениям о ноздревском «типе», то есть без затруднений, как бы между прочим, а *оттуда*, напуганный приемом Ноздрева, скачет *сразу* «во весь дух», «во всю пропалую».

Надо отметить, что само жилище Ноздрева мало похоже на приватное пространство и больше подходит под понятие «дом у дороги»⁴, куда хозяин готов привезти всякого, даже почти незнакомого человека, лишь бы была возможность реализовать собственную «юркость и бойкость характера». В этом отношении Ноздрев принадлежит к «дорожному» типу людей даже в большей степени, чем Чичиков, ибо его авантюризм — это, можно сказать, состояние души, в то время как авантюризм Чичикова — больше дань жизненной необходимости. Итогом своего предприятия последний видит домашний очаг, в то время как у Ноздрева отсутствует хоть какая-то идея личного будущего. Поэтому совсем не случайно (и отнюдь не безосновательно, как мы знаем) Чичиков почувствовал в ноздревской деструктивности опасность для своего «дела».

Что же касается ноздревской реакции на чичиковскую «негоцию», то она полностью соответствует типу характера персонажа. Ноздрев не больше Манилова понимает существо чичиковского предприятия («А на что тебе?», «Да зачем же они тебе?» - за эти пределы его вопросы о мертвых душах не выходят), но чувствует за ним какой-то немалый интерес («Ну уж, верно, что-нибудь затеял. Признайся, что» (231)) и в силу личного авантюризма, а также по причине карточного проигрыша пытается выжать из идеи своего гостя собственную выгоду: торгует Чичикову все, что можно продать (лошадей, щенков, шарманку ...), пускается обыграть его в карты, в шашки ... То есть хочет надуть Чичикова так же, как надувал до него многих простаков, но при этом, что принципиально важно,

теми способами, которые входят в разряд *традиционных* «барских» развлечений. Когда же его затея не удастся, Ноздрев так же использует привычный для него прием: пытается избить своего гостя силами дворовых людей. И лишь неожиданный приезд жандармов мешает осуществиться его затее. Следует отметить, что тип поведения Ноздрева в сцене с Чичиковым (неумение остановиться на предмете разговора, перескакивание с одного на другое и пр.), при всей внешней решительности его действий, указывает на то, что он здесь больше развлекается, так сказать, тешит «бойкость характера», чем осуществляет коммерческую сделку.

Таким образом, как и Манилов, Ноздрев после знакомства с чичиковской идеей остается верен сам себе. Несмотря на кажущуюся заинтересованность, мысль о личной выгоде его понастоящему как будто и не захватывает. И, думается, в силу той же причины, что и Манилова: слишком необычной, «завиральной», то есть чуждой, представляется даже ему, при всей его «юркости», мысль о купле-продаже «мертвых душ», и, не понимая, как к ней относиться, он не принимает ее всерьез. Хотя не обходится здесь и без того, что собственная необузданная натура, что называется, начинает бить у Ноздрева через край, и в запальчивости он упускает реальную для себя возможность извлечения, хоть и небольшой, денежной суммы, в которой нуждается не на шутку.

В деревню Плюшкина, которая в поэме представлена как «обширное село со множеством изб и улиц» (258), Чичиков попадает незаметным для себя образом. Можно предположить, что она расположена в непосредственной близости от столбовой дороги, иначе дали бы о себе знать проселочные неудобства, как тот «препорядочный толчок» на бревенчатой деревенской мостовой, который и вывел из дорожных раздумий нашего героя. Дом Плюшкина оказался за несколькими поворотами от дороги, «где цепь изб прервалась и наместо их остался пустырем огород или капуста, обнесенный низкою, местами изломанною городьбою» (259). При таком общем придорожном положении, однако, как сама деревня, так и дом помещика оставляют наибольшее во всем произведении впечатление затхлости, заброшенности, разрушения. Тенденции *дороги*, связанные с динамизмом, изменениями, новизной, здесь оказываются совершенно не ощутимы. Местоположение же плюшкинского *дома*: на пустыре, «где цепь изб прервалась», то есть в самой дальней от *дороги* точке — в этом плане носит несомненно символический характер.

Первая реакция Плюшкина на чичиковское предложение практически совпадает с реакцией Манилова: «Он, вытаращив глаза, долго смотрел» (267) на своего гостя, не постигая существа его идеи. Но совершенно успокоился после уве-

³ В данной работе в связи с собственными исследовательскими задачами мы нарушаем последовательность посещения Чичиковым помещичьих усадеб.

⁴ Об особенностях модели «дом у дороги» см.: Проскурина Е.Н. Мотив *дом у дороги* в русской литературе XIX-XX веков // Сюжеты и мотивы русской литературы. Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 5. Сборник научных трудов. Новосибирск, 2002. С. 148-171.

рений Чичикова, что тот «готов и на убыток» исключительно для «удовольствия» «почтенного, доброго старика». Такая почти детская наивность, открывшаяся у подозревающего всех и вся Плюшкина, лишней раз говорит об эксклюзивности, ни-на-что-не-похожести чичиковского предприятия. Однако после того, как нечаянный гость берет «на свой счет» «даже издержки по купчей», Плюшкин тут же заключает, что он «должен быть совершенно глуп ... При всем том он, однако ж, не мог скрыть своей радости ... Вслед за тем он начал ... на Чичикова смотреть подозрительно. Черты такого необыкновенного великодушия стали ему казаться невероятными...» (268-269). Вся эта сложная палитра чувств Плюшкина свидетельствует об одном: абсолютной непостижимости для него смысла приобретения мертвых душ.

Меньше всех удивлен чичиковским предложением Собакевич. Его реакция предельно лаконична и делова: «Вам нужно мертвых душ? ... Извольте, я готов продать ...» (250). При этом он заламывает такую баснословно высокую за них цену, что реакция на нее Чичикова сродни той, что выказывают Манилов или Плюшкин в отношении самого предмета торга:

«— По сту! — вскричал Чичиков, *разинув рот и поглядевши ему [Собакевичу] в самые глаза, не зная, сам ли он ослышался, или язык Собакевича по своей тяжелой натуре, не так поворотившись, брякнул вместо одного другое слово*» (250).

При этом, однако, Собакевич не больше других понимает существо чичиковской затеи. Он лишь «смекает», что «покупщик, верно, должен иметь здесь *какую-нибудь выгоду*» (250), а в процессе торга на реплику Чичикова о его «предмете»: «Что ж он стоит? Кому нужен», — неопределенно-философски отвечает: «Да вот вы же покупаете, *стало быть*, нужен» (252). И в силу личной «деловитости» пытается выбить максимальную для себя выгоду. Однако выгода эта, так сказать, разового характера. Чичиков в доме-крепости Собакевича — залетная птица. Как приехал — так и уехал, оставив хозяина в том же герметичном пространстве, в котором вековал тот всю свою жизнь. Мысль о том, чтобы сделать торговлю мертвыми крестьянами своим постоянным «промыслом», даже не возникает в голове Собакевича.

Следует обратить внимание и на местоположение дома этого помещика. Во-первых, саму его деревню Чичиков увидел еще с дороги. Так же и дом, находящийся «посреди» деревни, был им замечен сразу. Когда же Чичиков выезжает из усадьбы Собакевича, он поворачивает «к крестьянским избам ... , чтобы нельзя было видеть экипажа со стороны господского двора» (256). То есть столбовая дорога хорошо просматривается с крыльца дома Собакевича, что в данном случае совсем не желательно Чичикову, намере-

вающемся нанести визит Плюшкину. Поэтому он вынужден ехать в объезд.

Таким образом, во всех приведенных нами случаях помещичий *дом* находится либо в относительной, либо в непосредственной близости от *дороги*. При этом, однако, *дорога* еще не внедрилась и на протяжении сюжета так и не внедряется в образ жизни помещиков. Такие разные типы жизнеустройства, которые представлены в гоголевской поэме, возможны только в случае обособленности, крайней приватности домоводства. То есть *дорога* для гоголевских помещиков — не более чем средство связи с губернским городом, при этом связи, отнюдь не размыкающей герметичного пространства их жизни. Все иные функции *дороги* в поэме либо относятся к авторскому плану, либо связаны с главным героем.

Здесь, однако, следует специально остановиться на таком персонаже, как Коробочка, ибо именно ей предстоит, так сказать, сбить с дороги «негоцию» Чичикова. Намек на эту функцию персонажа заключен в самой истории появления героя у ворот дома Коробочки, куда, *сбившись с пути* во время грозы, его завозит подвыпивший Селифан. Само полное имя: Настасья Петровна Коробочка — имеет смыслообразующее значение в плане сюжетной характеристики героини: в нем заключена двойная маркировка предельной закрытости ее сознания и образа жизни. Так, если *Михайло Семенычем, Михайло Иванычем, Михайло Потапычем* обычно в русских сказках зовут медведя, то *Настасья Петровна* в них — имя медведицы. О «медвежьем», то есть тяжеловесном, берлогообразном жизнеустройстве *Михаила Семеновича Собакевича* не раз прямо говорится в гоголевском произведении. Намек на тот же тип домоводства, только с еще большей степенью закрытости (вспомним, что дом Коробочки занимает самую дальнюю позицию от дороги. См. прим. 1 к данной статье), содержит как имя героини, так и ее необычная фамилия.

Однако не кому иному, как живущей в «глуши» Коробочке, с ее неповоротливым умом, предстоит разрушить планы Чичикова. Именно она — единственная из всех героев поэмы (впрочем, как и они, ничего не понимая в смысле самой сделки) всерьез боится в ней прогадать, по каковой причине и выбирается из своей «деревеньки» и едет в город, чтобы узнать, «почем ходят мертвые души и уж не промахнулась ли она, боже сохрани, продав их, может быть, втридешева» (311).

Таким образом Коробочкина «дубинноголовость» оказывается сродни чичиковской смекалке (намек на родство этих персонажей содержится в эпизоде их утреннего разговора:

«А позвольте узнать фамилию вашу. Я так растерялся... приехал в ночное время...»

— Коробочка, коллежская секретарша.

— Покорнейше благодарю. А имя и отчество?

— Настасья Петровна.

— *Настасья Петровна? Хорошее имя Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна*» (208).

Она в большей степени, чем другие «продавцы», реализует здесь *свой* интерес, осуществляет *собственную* «негоцию». Причем, Коробочка подозревает в чичиковской идее некий многоразовый проект, способный стать одной из статей ее постоянного дохода («Право, ... мое такое неопытное вдовье дело! Лучше ж я маленько повременю, авось понаедут купцы, да применюсь к ценам (211)). Выгода Чичикова ее в данном случае не интересует, да она и не под силу ее уму, о чем свидетельствует сцена их торга. Ей важно прежде всего не прогадать самой. Именно идея личной долгосрочной выгоды, заявленная еще в разговоре о казенных подрядах, заставляет ее двинуться из собственной «глуши» в город «на долгах». Можно сказать, что здесь *дороге* «удается» разомкнуть жизненное пространство персонажа, да еще такого, который, кажется, менее всех других способен к переменам.

Созданная Коробочкой таким неожиданным образом новая «дорожная» интрига вступает в противоречие с предприятием Чичикова и в результате разрушает его планы. Тем самым происходит переход героини из одной группы персонажей — *персонажей дома* — в другую: *персонажей дороги*, которая теперь представлена уже тремя персонами: Чичиковым, Ноздревым и Коробочкой. Не случайно именно этой троице отведена главная роль в конце первого тома поэмы. Возникающее за счет финальных событий усложнение «дорожной» интриги задает возможность нового для литературы гоголевского периода буржуазного по своему существу конфликта. И здесь в тексте, а точнее, в подтексте произведения возникают новые семантические интенции, связанные с мотивом *дороги*: в его звучании появляются «не бранные» до того звуки, выявляющие возможности *дорожного хронотопа* как *опасного* пространства, чреватого не только позитивными переменами, но и деструкцией, разрушением традиционного жизненного уклада. Возникнув в литературе XIX в., в полную силу они заявят о себе в литературе века XX, о чем нам уже приходилось писать⁵. В этом смысловом контексте гоголевский *дом* предстает в иной для себя ипостаси: как пространство, противостоящее разрушающей *дороге* и тем самым выступает как оплот и защитник исконных традиций.

Что касается губернского города, то после откровений Ноздрева и появления Коробочки он оказался в полном недоумении. Смысл чичиковской идеи его обывателям столь же не под силу, что и помещикам:

«Что за притча, в самом деле, что за притча эти мертвые души? Логика нет никакой в мертвых душах; как же покупать мертвые души? где ж дурак такой возьмется? и на какие слепые деньги станет он покупать их? и на какой конец, к какому делу можно приткнуть эти мертвые души?» (321) —

такой была реакция «обитателей и чиновников города». В результате «дорожное» предприятие Чичикова вывело их из привычного сонного состояния: все они вдруг — в полном соответствии с открывшейся интригой — оказались *на дороге*:

«Вылезли из нор все тюрюки и байбаки, которые позалеживались в халатах по нескольку лет дома ... Все те, которые прекратили давно уже всякие знакомства ... словом, оказалось, что город и люден, и велик, и населен как следует. ... *На улицах показались крытые дрожки, неведомые линейки, дребезжалки, колесосовистки ...*» (322).

Завершением этой «дорожной» ситуации оказались похороны прокурора, на которые вышел весь город, выстроившись пешком, в каретах и на дрожках в бесконечную погребальную процессию, словно предвещающую завершение устоявшегося круга жизни и начало следующего, наступающего с приездом нового генерал-губернатора и пока лишь интригующего своей неизвестностью.

Однако такое «дорожное» положение было для обитателей города N делом непривычным, ибо жизнь их протекала до сих пор в атмосфере «семейственности» и напоминала жизнь большого родственного дома:

«...они все были народ добрый, жили между собой в ладу, обращались совершенно по-приятельски, и беседы их носили печать какого-то особенного простодушия и короткости: «Любезный друг Илья Ильич!», «Послушай, брат, Антипатор Захарьевич!», «Ты заврался, мамочка, Иван Григорьевич» ... словом, все было очень *семейственно*» (294).

В свою городскую «семью» обыватели с готовностью приняли и Чичикова, решив его даже женить на невесте из *своего* круга, чтобы заставить осесть в городе:

«— Нет, Павел Иванович! Как вы себе хотите, это выходит избу только выхолаживать: на порог да и назад! Нет, вы проведите время с нами! Вот мы вас женим: не правда ли, Иван Григорьевич, женим его?»

— Женим, женим! — подхватил председатель. — Уж как ни упирайтесь руками и ногами, мы вас женим! Нет, *батюшка*, попали сюда, так не жалуйтесь ...» (290-291).

Само слово «батюшка», с которым обращается председатель к Чичикову, уже говорит о том, что он введен в круг городской «семьи», где всех по-родственному называют «братом», «другом», «мамочкой», «батюшкой». После согласия Чичикова жениться («зачем упираться руками и ногами, — сказал, усмехнувшись, Чичиков, ... была бы невеста» (291)) председатель радостно кидается к нему «в излиянии сердечном» с теми же родственными обращениями: «Душа ты моя! *Маменька моя!*»» (291).

⁵ См.: Проскурина Е.Н. Указ. соч.

В такой «семейственной» атмосфере идея *дома* по-настоящему овладевает сердцем Чичикова, который «воображал себя уже настоящим херсонским помещиком, говорил об разных улучшениях: о трехпольном хозяйстве, о счастье и блаженстве двух душ» и даже «стал читать Собакевичу послание в стихах Вертера к Шарлотте» (291), неожиданно резонируя с «домашним» романтизмом горожан, где «председатель палаты знал наизусть «Людмилу» Жуковского ... и мастерски читал многие места, особенно: «Бор заснул, долина спит» ... Почтмейстер вдался более в философию и читал весьма прилежно, даже по ночам, Юнговы «Ночи» и «Ключ к таинствам природы» Эккартсгаузена, из которых делал весьма длинные выписки ...» (294-295).

Как видим, беспрепятственно-легкое включение Чичикова в круг городских обывателей обусловлено не только его умением нравиться, способностью к мимикрии и слухами о его миллионном состоянии, но и внутренней готовностью самого Чичикова стать для них «своим».

При этом губернский город, куда привела героя *дорога*, живет той жизнью, которой живут десятки таких же российских губернских городов: все недостатки его обывателей (воровство, взяточничество, недобросовестность чиновников и пр.) типичны для российской жизни. Поэтому, приняв Чичикова за «своего», обитатели города видят в нем типичного «господина средней руки», то есть понятного, привычного, родного по духу и интересам человека. Слух же о чичиковских миллионах лишь добавляет ему веса в обществе. Отчуждение же героя из круга городской «семьи» происходит не по причине выявления его недобросовестности, а тогда, когда обществу не удастся внутренне адаптировать идею приобретения мертвых душ.

Как помним, не сумев вместить в сознание, «что бы такое могли значить эти мертвые души» (317), женская половина городского общества сошлась на мысли о том, что «это просто выдуманно только для прикрытия, а дело вот в чем: он хочет увезти губернаторскую дочку» (318). В этом чисто женском способе алогичного объяснения непонятого — через переведение его в область привычного — еще раз высвечивается мысль о противоестественности самой чичиковской идеи. Но поскольку при этом опасность увоза губернаторской дочки вполне реальна, если учесть холостяцкое положение Чичикова и его готовность жениться, то захваченная этой мнимой интригой женская часть общества, в том числе и губернаторша, почувствовавшая себя оскорбленной «как мать семейства, как первая в городе дама» (323), тут же выводит нашего героя из разряда людей своего круга. В итоге швейцару губернаторского дома «дан был

строжайший приказ не принимать ни в какое время и ни под каким видом Чичикова» (323).

Похожий прием был оказан герою и мужской частью губернского города:

«все или не приняли его, или приняли так странно, такой принужденный и непонятный вели разговор, так растерялись и такая вышла бестолковщина из всего, что он усомнился в здоровье их мозга» (340).

Однако и «мужской партии» чичиковская идея была не яснее, чем женской:

«Все у них было как-то черство, неотесанно, неладно, негоже, нестройно, нехорошо, в голове кутерьма, сутолока, сбивчивость ...» (324).

Но при этом именно мужчины почувствовали, что «главный предмет, на который нужно обратить внимание, есть мертвые души, которые, впрочем, черт знает что значат ...» (324). Связав их с назначением нового губернатора и испугавшись последствий собственной служебной недобросовестности, приплетя сюда Наполеона и историю капитана Копейкина, «мужская партия», однако же, так и не смогла приблизиться к истинной сути чичиковской «негоции». То есть, как и женщины, мужчины губернского города пытаются постичь идею покупки мертвых душ через введение ее в круг понятных жизненных явлений. Но она оказывается невероятнее даже самых парадоксальных предположений, к каковым отнесены побег Наполеона и тайное его появление в городе N и история капитана Копейкина.

Таким образом, «свой», «привычный», принятый городским обществом как родной Чичиков на поверку оказывается непонятным, иногородным чужаком. Его выведение обитателями города N из разряда «своих» не оставляет ему иного выхода, как с неопределенным чувством покинуть город-дом и пуститься дальше осуществлять свое *дорожное* предприятие.

Судя по опубликованным главам второго тома «Мертвых душ», Чичикову удастся достаточно успешно проводить в дальнейшем свою «негоцию». Однако не эта *дорога* становится его путем к *дому*. Скрещиваясь с мотивом *пути* в первом томе на уровне авторского плана, в дальнейшем, во втором и третьем томах поэмы мотив *дороги*, по замыслу Гоголя, должен все в большей степени сблизиться с идеей жизненного *пути* героя, причем, в его духовном, возрождающем понимании. Тем самым и на уровне плана героя мотив *дороги* должен изменить свое векторное направление: с горизонтального на вертикальное. Объединившись в результате в мотив *пути-дороги*, эти два изначально разных мотива задают и новую идею *дома* в соответствии с той духовной задачей, которую Гоголь считал главной для всего своего художественно-го творчества.